

Антиклерикальная комедия стала чемпионом проката в Израиле

«Женский балкон»

Режиссер Эмиль Бен-Шимон

Израиль, 2016, 96 мин.

На окраине Иерусалима живут хорошие люди, объединенные в крошечную общину. Община эта не так религиозная, как просто человеческая: все друг друга знают, друг другу помогают. Но, конечно, они и в Бога веруют, ходят в свою старую синагогу к старому раву Менаше. И вот однажды во время бар-мицвы случилась беда: обвалился женский балкон. Жена рава попала в больницу и лежит в коме, а сам рав впал в прострацию и отключился от реальности. На неопределенный срок община осталась без раввина. А синагогу-то надо чинить, что можно делать только под руководством религиозного лидера. Да и денег нет, чтобы произвести такой крупный ремонт. Тем временем в синагогу ходить все равно надо, и «погорельцы» подыскали небольшое помещение, которое на время может служить храмом.

Но расположено оно далеко от их места проживания, и некоторые прихожане не могут туда добираться. Значит, нет миньяна. И тут, к счастью, случайно возникает молодой харизматичный рав Давид, который и миньян организует, приведя целую гурьбу своих учеников, и энергично берется за ремонт, прибавив к пожертвованиям общины свои шекели.

К счастью-то к счастью, да не совсем. Общинники были настоящие верующие, вполне ортодоксальные. Но рав Давид, он ультраортодоксальный. И он не только помогает, он начинает идейно направлять. Например, он уверен, что балкон обвалился оттого, что женщины не покрывали головы. Что толку ремонтировать, прежде чем женщины начнут носить платки? Ведь новый балкон опять обвалится, логично? Мужчины, почесав репы, соглашаются, что логично, и приносят женам платки. Но жены, а это довольно еще молодые, независимые и вполне современные израильтянки, логичным это не находят. Они недовольны тем, что рав Давид, и откуда он только свалился на их непокрытые головы, охмуряет их мужей. Они начинают даже ревновать супругов к нему (ведь, честно говоря, Этти, Тиква, Маргалит, Ора и все прочие раньше немножко командовали своими муженьками). Их ропот переходит в негодование, когда, войдя в почти отремонтированную синагогу, они обнаруживают, что балкона-то в ней никакого нет, вместо него отделенный от просторного пространства для мужчин закуток на первом этаже.

Рав Давид объясняет, что на балкон просто не хватило денег, но женщины не без основания подозревают, что он решил не делать балкона, потому что платки-то они, непокорные, так и не стали носить! «А вы-то как могли допустить, чтобы ваши жены топтались на службах в каком-то загоне для скота?», — обращаются они к мужьям. Те, пентюхи, опять только репы чешут. А когда рав Давид выискивает еще ряд заковыристых галахических заморочек, отодвигающих открытие синагоги на неопределенное будущее, тут уж свободные женщины Востока, которым не терпится, чтобы мужья поскорее покончили с этой синагогальной морокой и вернулись под домашнее ярмо, поднимают настоящее восстание: они уходят от мужей и поселяются все вместе в квартире одной из них, незамужней. Дальше сюжет движется по лекалам древнегреческой комедии «Лисистрата», в которой женщины впервые в истории мировой драматургии восстали против мужчин.

Сначала оба лагеря полны решимости стоять до упора на своем. Но постепенно, знаете как? Жизнь есть жизнь, мужчинам без женской ласки и домашней кухни нелегко, да и женщинам без руки, которая и погладит, и покосившуюся полку в ванной прибьет, тоже дискомфортно. Стороны начинают подавать одна другой сигналы, что, в принципе, мы не прочь сесть за круглый стол переговоров; потом быстрые встречи где-то на уличном углу, и вот уже в спальне Этти и Циона ритмично зашуршит кровать формата кинг-сайз. Рав Давид не простак, он все видит, все понимает и, опираясь на те же галахические правила, старается удержать мужиков от позорного искушения. Но галаха галахой, а фалафель фалафелем. И в финале, как можно легко догадаться, мужья, наплевав на рава Давида, прибегают, в общем-то, на полусогнутых просить у жен прощения, и община начинает собирать деньги на женский балкон.

Значит, легкая такая комедия, но с глубоким феминистическим и антиклерикальным смыслом. Поэтому она стала чемпионом проката в Израиле, да и в Америке прокатилась с порядочным успехом.

Все бы хорошо, но если быть таким занудой, как я, то можно заметить существенную неувязочку. Дело в том, что рав Давид не изображается почти весь фильм каким-то лидером тоталитарной секты и мужским шовинистом. Это хороший, искренний человек, живущий по принципам, которые вошли в его плоть и кровь: он отстаивает дух и букву Закона и иначе не может. А если так, то конфликт этого фильма совсем не шуточен, в нем обе стороны правы. Но если бы сценарист Шломит Нехама и режиссер Эмиль Бен-Шимон копнули придуманный ими сюжет поглубже, то в финале мужчины не могли бы вот так просто покинуть своего раввина, им пришлось бы сильнее, чем когда-либо прежде, почесать репы, выбирая между семьей и Торой. Чтобы замаять ренегатство мужиков, авторы к концу картины немного передергивают, заставляя рава Давида вдруг стать каким-то дерганым, неприятным и откровенно автократичным и к тому же совершить нечестный поступок (подлог). От такого, конечно, убежать не грех.

Но зачем слишком глубоко копать, если картина и так имела большой успех?

И я вам больше скажу: если копать, то она, скорее всего, его бы не имела.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»